Асакуса Джюникай

Получив уведомление о долгожданной посылке из Йокогамы, он подумал, что наконец сможет осуществить то, что всегда желал.

Вечером чёрный ход Джюникай был открыт и туда подъехала тележка с грузом.

— Осторожно, хрупкое.

— Там стекло, что ли? Уж больно тяжёлое.

Двое мужчин, крепко держа коробку, перенесли её внутрь башни. Внутри действительно были изделия из стекла, но отнюдь не посуда или произведения искусства. Когда грузчики наконец ушли, мужчина остался наедине с собой в подвале Джюникай. Для подключения устройства уже были готовы десятки проводов, в беспорядке разбросанные по полу. Он решил, что займётся этим завтра. В любом случае окончательная настройка заняла бы ещё несколько дней.

Он вышел на улицу и взглянул на Джюникай. Здание называли Асакуса Джюникай, предпочитая это название официальному — Рёункаку. В эпоху Мэйдзи, когда только было построено, оно было переполнено посетителями, но к началу эпохи Тайсё стены полузаброшенного здания были покрыты слоем десятилетней грязи. Несмотря на это, некоторые торговцы ещё продолжали держать свои заведения внутри башни.

Мужчина, Такэшита Хиротакэ, самим зданием не владел, только находящимся на вершине громоотводом, пока его не заменили более толстым и длинным шестом. Кроме того, у него в безвременном пользовании находился отведённый под склад подвал. Действительно, башня Джюникай утратила былое значение, но люди всё ещё говорили, что она огромна, потому что в округе не было зданий, способных сравняться с ней высотой. Поэтому Такэшита и выбрал это место — а что за дела проворачивались ниже основания Джюникай его совершенно не заботило.

Театральный район Рокку с его небольшими оперными театрами и маленькими развлекательными домами — это то, что для обывателя лежало на поверхности, но популярностью пользовались и другие заведения под Джюникай. В особенности магазинчики вроде «Торговец превосходным алкоголем». И основной доход такие заведения получали совсем не от продажи алкоголя. В «Торговце» прекрасный пол продавал себя даже дешевле, чем женщины из развлекательного района Йошивара. Уважаемые люди обходили стороной это место. Посетителями этого борделя были те, кто пытался стать писателями, например Мори Огай или Нацумэ Сосэки, или

коммунисты, которые пытались выплеснуть в любви свою неудовлетворённость современным обществом после реставрации Мэйдзи.

Обычно Такэшита обходил эти места стороной, но в тот день он был так воодушевлён тем, что его план наконец начал действовать, что без стеснения продолжил путь через неизвестные коридоры «Торговца превосходным алкоголем». Там в воздухе смешались запахи дешёвого порошка и мусора и терпкий аромат одиночества. Далеко не всех женщины приглашали за решётчатые двери. Вдруг что-то попавшее в боковое зрение привлекло внимание Такэшиты, и он обернулся посмотреть.

То была не женщина, просунувшая свои пальцы в отверстия решётки.

А девочка, сидевшая позади неё в тёмном углу.

Возможно, её только что продали. Из-за отсутствия клиентов её, скорее всего, заставили бы выполнять роль прислуги. Он не почувствовал к ней какого-то особого сожаления. Однако удручённое выражение её лица в этом мраке почему-то не выходило у Такэшиты из головы.

С того дня прошло около полумесяца, и устройство в подвале наконец начало работать. После этого Такэшита почти перестал выходить на улицу. Но он не был одинок. Девочка по имени Айн с тех пор стала жить вместе с ним.

УАН-УАН-УАН-УАН...

Гудящее эхо раздавалось из подвала не переставая. Если бы такой звук шёл со стороны того же кладбища Янака, местные бы подняли переполох, но, поскольку речь шла о Джюникай, никто особо не обращал внимания.

УАН-УАН-УАН-УАН...

Звуки машины были похожи на работу генератора, что вполне соответствовало описанию устройства. Такэшита и девочка оставались в подвале, готовясь к чему-то. Такэшита окружил себя множеством самодельных механизмов и почти всё время проводил в подвале. Вокруг него сияли тусклым светом, точно круглые фонари рыбацких лодок, огромные стеклянные чаши. На их поверхности проявлялись изображения и буквы. Говорили, что лампа из чаши для золотых рыбок была изобретена талантливым англичанином по фамилии Браун. Такэшита, не отрываясь, смотрел на эти чаши.

— Слушай, ты разве не устал?

Впервые после нескольких часов молчания спросила невыносимо скучающая девочка.

— Мне скучно. Почему я не могу выйти на улицу? Так давно не выходила! Позволь мне сделать перерыв, хотя бы за то, что подвергаем людей опасности из-за электричества!

— Айн, мы не делаем ничего подобного.

Судя по внешнему виду, ей вот-вот должно было исполниться двенадцать, но выражение её лица было как у взрослого человека. На её голове красовался, очевидно против её воли, большой бант, как у западных девушек. И этот бант совершенно не гармонировал с парой больших кошачьих ушей.

— Ой! Я вспомнила! Сегодня в Мита будет лекция... Эй! Там будет тот человек из Германии!

— Вот как? Разве это сегодня?

— Ты же собирался пойти?

— Ага...

В прошлом году журнал Modding пригласил в город признанного учёного, доктора наук Эйнштейна. Его приезд в Японию стал горячей темой для обсуждений.

— Слушай, я схожу туда, а потом всё тебе расскажу. Благодаря результатам теории относительности доктора Эйнштейна я смогу видеть будущие события.

— Но не только благодаря теории относительности, верно?

Своё устройство Такэшита сконструировал самостоятельно, но учился он в Америке, и учения Николы Теслы тоже в значительной степени повлияли на его исследования.

Бывало, что он смотрел, словно отрешённый, на катодный проектор, а потом наведывался в (как предполагала Айн) финансовый район Кабуточо, возвращаясь с большими суммами денег в нагрудных карманах. Здесь, в подвале Джюникай, он мог создавать всё что угодно, ведь недостатка в средствах он не испытывал. Но, даже зная будущее, Такэшита не мог предсказать действия Айн.

Айн, чья доброжелательность была исчерпана полнейшим нежеланием мужчины выходить из дома, зашла в небольшую внутреннюю часть комнаты с низким потолком, которую она решила оккупировать как собственную. По всему полу были разбросаны части механизмов, провода и другие детали, а в центре Айн нагромоздила кучу зубцов, шкивов и проводов в половину своего роста. Начав колдовать над ними, Айн даже забыла приготовить еду Такэшите и полностью сосредоточила своё внимание на работе. Чем же занималась Айн? Он не имел ни малейшего понятия.

Аристократ из Суругадай

Младший лейтенант Эноки шёл по оживлённой улице Асакусы в повседневной одежде. В последнее время обыватели всё менее лояльно относились к военным, и нельзя было даже зайти в трамвай, не спрятав оружие. Всё из-за бесплодной Сибирской военной экспедиции, ставшей для простых граждан пустой тратой налогов. В душе Эноки был солидарен с ними, но вслух своего мнения не высказывал. Правительство начало активно разоружать армию, но Военной научно-исследовательской лаборатории, к которой принадлежал и младший лейтенант, это не касалось, и Эноки безрадостно гадал, сколько он ещё будет с ней связан.

Как раз оттуда, из Синдзюку Тояма, его выслали в Асакусу, и отнюдь не для того, чтобы поразвлечься с местными женщинами из Джюникай. Нет, старший офицер поручил ему выяснить причину высокого расхода электроэнергии в

непосредственной близости от здания. Подобный расход в самом деле казался странным. Радиостанцию в Джюникай ещё не построили. Была экспериментальная токийская станция, принадлежавшая министерству связи из Дайбэ, которое организовывало там свои испытания. И ещё одна — в Чоши. Оба объекта были построены военно-морским флотом и требовали для функционирования огромного количества электроэнергии. Тем не менее в Асакусе подобных объектов не было.

Если подумать, только здание Джюникай было достаточно высоким, чтобы проводить электричество. Об этом Эноки знал не понаслышке: так вышло, что, направляясь из Хиросимы в столицу, он побывал в Джюникай и даже забрался на самый верх. Лестницу украшали иллюстрации красивых женщин, а ещё там продавали сувениры из разных краёв. Поэтому Эноки был уверен, что интересующего его объекта поблизости нет.

Тем не менее, подойдя к Джюникай, Эноки увидел выходящих из здания людей, хоть на его памяти раньше там никто не жил. Вышли двое: мужчина лет тридцати с мрачноватым выражением лица и девочка где-то вдвое младше. «Кто мог привести в такое место ребёнка?» — удивился Эноки, наблюдавший за зданием до обеда, но тут заметил, что за странной парой стал следить ещё один человек. После этих двоих вышел мужчина, натянувший охотничью шапку до самых бровей, словно пытаясь скрыть своё лицо. Разве он не из военной разведки?

То есть должен следить за русскими шпионами... «Что он тут-то делает? Зачем ему этот мужчина?» — снова удивился Эноки и тоже последовал за ними. Поступал доклад о странно ведущем себя мужчине из Джюникай, и этим человеком несомненно был... Такэшита.

Парочка зашла в трамвай — Эноки не отставал — после чего они доехали до Суругадай. Там младший лейтенант наконец заметил, что военный с острым взглядом, что преследовал их ранее, исчез. «Кто он и что ему нужно?» — гадал Эноки про себя. Такэшита и девочка тем временем прошли через ворота большого особняка. Взглянув на табличку с именем владельца, Эноки немало удивился.

Виконт Фуэнокодзи Кимиясу. Его главная резиденция располагалась в Санбанчо, но и этот дом, стоявший на пересечении районов Канда и Суругадай, тоже не пустовал. Недавно построенный отдельный дом был в западном стиле. У зашедшего складывалось впечатление, что он очутился в фешенебельном отеле Нью-Йорка. Вместо виконта здесь жила женщина русских кровей по имени Варвара Андреева, и похоже, что этот дом построили именно для неё.

— У этой женщины кожа белая, как у мертвеца.

Такэшита бросил на Айн, отпустившую неприличный комментарий, гневный взгляд.

— Айн, не пяльсь на неё так.

— Но ведь...

Фуэнокодзи Кимиясу улыбнулся.

— Эта дама сбежала сюда из Харбина; она русского происхождения.

Похоже, Варвара не знала японского, но поняла, что разговор зашёл о ней, и поднялась с дивана. На это виконт, не оборачиваясь, холодно сказал:

— Варя, станцуешь?

— Сейчас?

Похоже, виконт сказал ей «танцуй». Варвара тут же покраснела от стыда и смущения, но начала кружиться, как глиняное изделие на гончарном круге.

Наконец обессилев, Варвара остановилась. Сам же виконт так и не обернулся в её сторону, продолжая смотреть в одному ему видимую точку за окном. Ему доставляло удовольствие заставлять её делать то, что она считала неуважительным для леди; по крайней мере, неуважительным в той жизни, которую она, будучи благородных кровей, вела раньше.

— Там, откуда она пришла, власть захватили китайцы. Убили всех солдат.

Такэшита решил воспользоваться шансом и сменить тему, а заодно и разрядить повисшую неловкую тишину.

— А... её муж, кстати, сейчас задержан. Её я взял под крыло, потому что она умеет танцевать балет.

Совсем недавно в Японию приезжала знаменитая на весь мир балерина Анна Павлова; она танцевала перед полным залом зрителей.

— Прежде чем перейдём к делу, хотелось бы обговорить один неприятный момент.

Такэшита не стал ходить вокруг да около и сразу задал вопрос.

— Неприятный? И что же это?

— Вы и раньше привлекали внимание. Даже на самом высоком уровне заинтересовались вашими действиями. Но чтобы вас преследовали военные — это впервые...

— Ладно, я всё выясню. И, если это в моей компетенции, сделаю так, чтобы слежку отозвали.

— Благодарю вас.

— Хорошо, тогда перейдём к сегодняшнему вопросу. Хотя правильнее было бы называть его завтрашним. Ха-ха.

— Хара Такаши будет убит совсем скоро. Четвёртого ноября на токийской станции.

Услышав это, виконт Фуэнокодзи сощурил глаза, а его взгляд стал жёстким.

— Убийца — сотрудник железной дороги по имени Коичиро Накаока. Суть в том, что он является внуком Шинтаро Накаоки.

Совсем уж далёкого будущего Такэшита предсказывать не умел. Обычно оно ограничивалось несколькими днями.

Информацию, которую он получал из устройства в подвале Джюникай, Такэшита передавал виконту. И почти всегда она, за исключением незначительных деталей, оказывалась точна.

Айн тем временем страдала от скуки.

Такэшита передавал информацию виконту около часа, после чего уставший слушать виконт передал ему мешочек с деньгами и их с Айн проводили из комнаты.

На выходе они вновь столкнулись с Варварой. Такэшита обменялся с ней не более чем парой слов по-английски, но от этого её лицо преобразилось. Почему-то Айн почувствовала злость.

От Суругадай они не поехали напрямую в Асакусу. Вместо этого Такэшита и Айн вышли на станции Гинзи и оттуда пересели на метро. Айн показалось это довольно удобным. Пока они шли в тени ивовых ветвей по вымощенной кирпичом дорожке, Такэшита заметил, что они словно очутились в европейском городе, и от этого ему было немного не по себе. Айн, хоть ничего

такого не ощущала, отметила, что атмосфера здесь отличалась от Асакусы, и это заставляло её постоянно оглядываться по сторонам.

Такэшите вспомнилось время, когда он жил в Америке и там произошло стихийное бедствие на западном побережье. Он невольно прищурил глаза и тут заметил мужчину, который шёл за ними. Однако от преследователя не исходило ощущения опасности, и Такэшита решил с ним заговорить.

— Вы часто попадаетесь нам на глаза. Пришли сюда за покупками, полагаю?

От неожиданности Эноки даже обронил сигарету.

— Кто он?

— А-а... я, эм-м...

— Хм, похоже, вы не из разведки. И не офицер военной полиции. Но при этом явно военный.

Младший лейтенант решил не таиться и раскрыл причину, по которой он наблюдал за Такэшитой.

После чего они зашли в кабак, где подавали пиво, и вскоре уже горячо дискутировали о какой-то технической тарабарщине, позабыв обо всём.

Хоть Айн выдалась отличная возможность побывать в Гинзе с Такэшитой, и тут всё свелось к до смерти скучной беседе.

В какой-то момент Эноки подозрительно осмотрелся и, понизив голос, предупредил Такэшиту:

— То, чем вы занимаетесь в Джюникай, могут засечь военные. Сильное потребление электричества фиксируется. Если в Токио ваши действия расценят как угрозу, могут принять меры.

— Разве то, что вы сейчас сказали, не повредит вашему положению?

— Я, как научный работник, очень заинтересован в том, что вы делаете. И мне не хотелось бы, чтобы вам помешали.

Младший лейтенант бросил взгляд на Айн. «До чего же странная девчушка», — подумал он.

— А кто может помешать?

Электрическая девочка против танков

Грохот из леса рядом с Токио ознаменовал появление небольших, грубоватой формы военных танков. В отличие от ромбовидных танков Соединённого королевства, которые недавно представили к армейским испытаниям, эти были меньше — как те, что изготовляли на западе Франции. Но, несмотря на размер, боевые машины с лёгкостью прорезали чащу, валя по пути бесчисленные деревья и давя под своими гусеницами то и дело попадающиеся самодельные хижины. Владельцы хижин не могли никому пожаловаться: они построили свои хибары незаконно, и никому не было дела, что их так же незаконно лишили дома.

Всем жителям в округе объявили, что будут проходить испытания новых моделей. Жалобы граждан в расчёт не брали. Услышав об этом, младший лейтенант Эноки был просто поражён.

— Ничего не понимаю. Зачем проводить испытания здесь, если есть специально отведённый для этого полигон в Аояме?

Услышав недовольный голос Эноки, стоящий рядом мужчина вздрогнул и обернулся. Так же, как и младший лейтенант, он был в гражданской одежде, но ещё на нём была охотничья шапка.

— Они проводятся на средства кавалерии двадцатого батальона.

Это всё, что ему есть сказать?

— А-ха-ха, ясно, значит, влиятельным людям в этой округе что-то пришлось не по вкусу.

Мужчина в охотничьей шапке едва заметно поднял уголки губ и согласно кивнул.

— Вы из военной полиции? Я Эноки, из военной научно-исследовательской лаборатории.

— Солдат, сержант Яманой.

— Похоже, вы ведёте слежку за мужчиной, живущим в здании Джюникай.

Эноки продолжил использовать вежливую речь в обращении к Яманою, который был хоть и старше, но ниже по званию.

— Обычно испытания проводят перед военными операциями на материке, но... Гнать танки к городу не имеет никакого смысла.

— Может, думают, что, сидя в танках, им не придётся скрещивать мечи...

Эноки задумчиво наклонил голову набок.

— Разве Такэшита живёт один? Там же девочка с ним.

— Девочка?

— Да. Ну, та, что живёт с ним. Знаете же?

На этот раз Яманой отрицательно покачал головой.

— Без понятия. Я сам не видел её.

Эноки уже хотел сказать, что она была с Такэшитой, когда сержант следил за ними, но Яманой решил сменить тему:

— Возможно, это как-то связано с загадочным потреблением электричества в здании Джюникай... Не так давно в подвале здания одно устройство... даже не знаю, как и назвать его... по форме напоминает человека, но явно какой-то механизм, длиной примерно три с половиной метра... В общем, эта странная штука описывала круги, будто прогуливаясь.

Услышав это, Эноки чрезвычайно удивился. Может, это один из механизмов, созданных Такэшитой?

В этот самый момент перед его глазами возникла яркая вспышка света.

— Та девочка.

Загадочное сияние перед танком. А в центре этого сияния стояла Айн... Эноки узрел эту сцену очень ясно, хотя Яманой ничего не видел. Когда свет погас, танки потеряли управление и начали стрелять из пулемётов друг в друга. Об этом невероятном инциденте никогда не писали в газетах, но Эноки видел произошедшее своими глазами.

Айн никогда не выходила наружу одна. Обычно, когда нужно было пойти куда-то, она шла вместе с Такэшитой. Со стороны казалось, что мужчина заботится о девочке как о младшей сестре, но в действительности всё было не так. У Айн было несколько моделей поведения. Иногда Такэшита обрывал её

из-за того, что она слишком шумела, иногда, бывало, она щебетала, словно птичка, а иногда не говорила целыми днями.

Мужчина наконец отошёл на достаточное расстояние, чтобы не слышать звуки духового инструмента. Исполнитель был профессионалом своего дела, но, к сожалению, весь его репертуар был пронизан дадаизмом. Обойдя пруд по кругу, Такэшита зажёг сигарету и, пройдя ещё немного, увидел впереди троих человек. Невротичного вида мужчина разговаривал с двумя иностранцами.

— Уже смотрят на механизм?

Такэшита скрытно стоял за спиной у нервного человека. Он прошептал это так, чтобы никто другой не услышал.

— Вы что-то сказали?

Мужчина удивился от неожиданно раздавшегося голоса.

Он всё это время стоял у стойки с почтовыми открытками.

А... нет, просто мысли вслух.

— Ясно. Сегодня, я посмотрю, вы один, господин?

— Э?

— Помнится, вы не так давно приходили сюда с маленькой госпожой и купили несколько открыток.

Торговец носил чёрные очки. Глаза подводили его, но он помнил о девочке.

— А, да. У вас хорошая память.

— Та маленькая госпожа — ваша младшая сестра, господин?

— Нет, но... можно сказать и так.

— Вы уж извините за расспросы, я вас ни в чём не подозреваю, просто мне кажется, что я уже где-то слышал её голос...

На удивление, мужчине это было важно.

— Эта девочка... работала служанкой в магазине торговца алкоголем в Джюникай. Я забрал её оттуда.

— Что... но её голос не как у той, которую продали проституткам.

— Айн... Прежде чем девочка оказалась в магазине, она, по всей видимости, была беспризорницей там же, в Асакусе.

— Понятно. Что же, я и правда слышал о странной девочке, которую видели там.

— Странной? Почему?

— Ходили слухи о девчушке с белоснежной кожей и неприветливым лицом, которое источало угрозу. Её неоднократно пытались схватить представители власти, но всякий раз они валились наземь, будто током поражённые, а она успевала сбежать.

— Током?..

— Да. Был ещё один слух, что этой девочке одна проститутка дала своего младенца для присмотра. После его нашли всего испачканного, он задохнулся. Да... такие вот странные дела.

Такэшита глубоко задумался.

— Её голос напомнил мне голос той девочки, но мне, конечно, показалось. Прошу прощения.

— А... Я пойду, до свидания.

Продолжая раздумывать над его словами, Такэшита направился к зданию Джюникай. Но, сколько он ни ходил мимо кабаков, звуков бамбуковой флейты больше не слышал. Вернувшись в подвал Джюникай, он обнаружил, что Айн нигде нет. «Спрошу всё, когда она вернётся, а пока нет смысла дискутировать с самим собой», — решил Такэшита.

Однако Айн не появлялась в Джюникай уже три месяца. С приближением «того дня» Такэшита начал терять самообладание. Он старался проявлять ещё большую, чем обычно, осторожность и не встревать ни в какие разборки. На встрече с виконтом Фуэнокодзи он бы предупредил, что оставаться в Токио опасно. То же самое он бы сказал и младшему Эноки из лаборатории, а больше никому говорить было нельзя. Да и никто бы не поверил Такэшите, если бы он вдруг промолвился в одном из кабаков на задворках города, где он напивался до тошноты.

Выйдя из кабака, он оглядел хилые лачужки. «Уже совсем скоро они все будут гореть в огне. Люди потеряют свои дома, невинных граждан будут убивать, и

их убийцы станут хуже зверей по своей жестокости. А-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха. Великолепно, просто великолепно!» — кричал Такэшита подобные предсказания. Должно быть, Айн не хотела жить с ним. В том, что она ушла насовсем, он уже не сомневался. Ему оставалось вновь привыкнуть к прежней жизни, к жизни без Айн. Но, уговаривая себя, он знал, что обманывается. «Айн нет». Это чувство было... словно часть его плоти, часть его естества внезапно исчезла.

Где он впервые встретил Айн? У входа в магазин алкоголя? Нет, разве не по пути на холм Данко? «К слову, я ведь так и не забрался на тот холм...» — с этой мыслью мужчина перешёл в тень шестиэтажного здания, избегая яркого солнца.

В последнее время здание оперы стало посещать всё меньше людей. Кино обретало всё большую популярность, и в Асакусу теперь приезжали не ради посещения театра. К слову, не так давно известный романист основал компанию по производству фильмов и даже выпустил один со своим сценарием. Благодаря катодно-лучевой трубке (или трубке Брауна), установленной в подвале Джюникай, Такэшита мог смотреть в темноте на изображения иностранных мест и лица актёров. Хоть подобное занятие не доставляло ему особого энтузиазма, он подметил, что с улучшением трансляционной технологии картинка стала чётче. В компании Айн было

весело вот так проводить время. Всё равно в темноте, даже сосредоточившись, практически невозможно было сосредоточиться на фильме.

В последние годы на экране почти не появлялись актёры-женщины. Такэшита считал, что в Японии мало подходящих актёров и вообще избегал фильмов японского производства, не обращая внимания даже на те, что лежали в его комнате в подвале. Тем не менее темноватые сцены на экране мало походили на Японию. В фильме под названием «Кровь и призрак», снятым новым малоизвестным режиссёром, отражался актёр в просто безумном ракурсе: стоя в искажённом дверном проёме, он был окрашен весь в белый, чтобы походить на призрака. Картина словно подражала немецкому фильму «Кабинет доктора Калигари», что недавно вызвал бурную реакцию общественности... в общей атмосфере и в словах рассказчика как раз угадывался тот фильм. Такэшита, будто пойманный в сети, не мог оторваться от экрана, даже когда история уже исчезла и остались только изломанные сцены каких-то комнат. «А может, всё — фильм? Весь мир — искажённая картина...» — посещали подобные мысли затуманенный разум мужчины.

— Айн!

Игнорируя происходящее, он выкрикнул её имя.

Неужели... это было лицо Айн на экране? Она стояла позади актёров, и те не замечали её. Как в театральных постановках, они танцевали, а девочка просто стояла и почти не двигалась; она неотрывно смотрела в сторону зрителей. Нет... в сторону... в его сторону.

Такэшита был сбит с толку, но его единственной мыслью было прямо сейчас оказаться в сетях экрана, там... Когда он поднялся и на ватных ногах побрёл к кинескопу, кто-то поймал его за руку и у него в голове опустело. Когда Такэшита пришёл в себя после выпитого, рядом с ним была Айн.

— Я сплю?

Айн смотрела на него мокрыми глазами.

— Где ты пропадала, Айн?

— «Пропадала»... Ты ведь всё это время была здесь, Айн.

Анархист и ведьма

У подножия холма Данко стоял магазин, где продавали подержанные книги и газеты. Прилегающая дорога вела на вершину Хакусан, поэтому в кафе на

втором этаже всегда были посетители. Раньше в нём подавали обычную западную еду, но с какого-то момента там стали собираться анархисты-большевики, идеологи и дадаисты: они много пили, горячо дискутировали, шумели и устраивали драки. Посему магазин теперь вызывал стойкое отвращение у живших в Хамарачи докторов.

На втором этаже, помимо прочего, располагались комната хозяина и его кабинет, а также небольшое пустое пространство треугольной формы. Работники носили русскую «рубашку» — они начали делать это ещё раньше, чем в компании Накамурая. Было решено, что официантки будут носить фартуки поверх кимоно. Поначалу официанток выбирали из актрис, которые танцевали в постановках, но в последнее время выбор девушек на эту должность вызывал сомнение. Сейчас здешние девушки все немного загорелые, похожие на южан, их лица яркие, голоса — с хрипотцой, они то и дело шепчутся с молодыми официантами в рубашках, а вокруг них витает терпкий аромат ликёра. Не счесть, сколько раз в их присутствии граммофон играл песню Diaboro.

— Я уже так устала от этой песни.

— Просто не давай ей достичь твоих ушей.

— Это невозможно.

— Для тебя — возможно, Айн.

Последнее предложение Такэшиты Айн проигнорировала с непонимающим видом и отправила куда-то на задворки своего сознания.

— Слушай, зачем, чтобы прийти сюда, мы всегда делаем круг на трамвае?

От Асакусы досюда, как упоминалось ранее, было намного ближе просто взобраться по холму Данко. Может, слабому пожилому человеку и потребовался бы трамвай, чтобы доехать сюда, но ведь Такэшита был вполне здоров и вынослив.

— Действительно, зачем?..

Такэшита планировал делать вид, что всё как обычно, но Айн стало интересно, почему они не пришли в магазин пешком. Ответ на этот вопрос казался делом непростым.

Такэшита тем временем не отрывал взгляд от коренастого мужчины, сидевшего за книгой у окна.

— Сколько сейчас времени?

Спросил Такэшита у Айн, не глядя на неё.

— Без понятия. У меня нет часов.

Ответила Айн, глядя на висящие на стене часы.

Раздался яростный рёв, а затем на второй этаж поднялся худощавый мужчина. У него были широкие глаза, в которых горела сильная воля.

Айн поняла, что Такэшита ждал этого человека.

— Оосуги...

Громко воскликнул мужчина у окна.

Мужчина, которого звали Оосуги, побелел, но уже через секунду слабо улыбнулся и снова сел за своё место.

Он даже не обернулся в сторону Айн и Такэшиты, который, не стесняясь, наблюдал за ним.

— Давно не виделись, Миядзаки.

— Ага.

Сакаэ Оосуги подозвал стоящую в стороне молчаливую официантку и заказал вино.

— Удивительно, что ты пьёшь здесь алкоголь.

Для Миядзаки Шигэо не было сюрпризом увидеть здесь Оосуги. Между Оосуги, его женой и сожительницей Ноэ Ито был любовный треугольник. Хотя даже четырёхугольник, и в последствии ещё одна участница, Камичика Ичико, наделала много шуму, огласив эту историю. Миядзаки, который тогда был близок к Оосуги, впоследствии отдалился от него и создал свою независимую школу анархистской литературы.

— Только сакэ не пью — настоящий яд. Могу заказать говядину.

— Нет, спасибо. Мне уже скоро пора идти.

Миядзаки почувствовал странную решимость в словах Оосуги.

Оосуги задумался и снова улыбнулся.

— Мне недалеко. Отсюда я пойду в дом к Аришиме-сэнсэю. Как ты уже догадался, чтобы одолжить денег.

Он глубоко вдохнул через нос и внимательно посмотрел на Миядзаки.

Оосуги осушил одним глотком принесённое вино и положил на только что протёртый стол деньги.

— Оосуги, ты давай держись.

Коротко кивнув в ответ, Оосуги громко утопал вниз.

Айн заметила, что Такэшита сильно напрягся.

— Ты чего?..

Такэшита внезапно поднялся и, положив монеты на стол, бросился вслед за Оосуги.

На вершине горы Широяма располагалась трамвайная остановка. Дойдя дотуда, мужчина увидел Оосуги в пальто инвернесс и окликнул его.

— Оосуги-сан!

Оосуги остановился и обернулся. Было ясно, что он не знаком с Такэшитой, и в его взгляде читалась настороженность.

— Вы планируете занять денег у Аришимы-сэнсэя и отправиться в Берлин?

Оосуги подозрительно сощурил глаза.

— Вы что, тоже из Токко?

— Кто я, совсем не важно. Пожалуйста, послушайте. Вы можете добраться до Парижа через Шанхай. Однако границу вы не сможете преодолеть. Вам не удастся попасть на съезд анархистов и придётся вернуться в Японию.

Айн, видя, как Такэшиту бьёт мелкая дрожь, сама начала дрожать от страха.

— Вы, я смотрю, провели отличное расследование, молодой человек. Но то, куда я поеду, решать только мне самому.

— Вы не так поняли. Оосуги-сан, когда вы вернётесь в Японию, вы будете не один. С вами будет Ноэ Ито-сан и... другие люди потеряют жизни. Поэтому вы ни за что не должны возвращаться.

Поняв, что мужчина перед ним не из органов, Оосуги смягчил взгляд.

— Вы выглядите так, словно беспокоитесь обо мне. Но не стоит волноваться.

Оосуги опустил глаза. Вскоре подъехал трамвай, и он сел в него.

Такэшита какое-то время не сдвигался с места. Он понимал. Понимал, что словам незнакомца, знающего будущее, Сакаэ Оосуги просто не придаст значения. Но ведь не мог же Такэшита не предупредить его?

В сожалении мужчина покачал головой. Из его глаз текли слёзы. Пока они одна за другой увлажняли землю, Айн могла лишь с грустью смотреть вперёд.

Казалось, она проспала совсем недолго, но, проснувшись и оглядевшись, Айн нигде не увидела Такэшиты. Сконструированный мужчиной механизм всё ещё двигался, издавая небольшой гуд. Всё ещё работала трубка Брауна, показывая запись, сообщающую о грядущем разрушении.

Айн почувствовала ужас оттого, что его здесь не было. Прежде всего её посетила тревога, что он мог по какой-то причине исчезнуть из этого мира.

Может, потому что она так часто на него сердилась, пусть даже после и сожалела об этом?

Девочка не могла просто так сидеть сложа руки, а потому вышла из подвальной комнаты наверх, а затем и наружу.

Куда теперь? Где он?

Если его нет, то Айн исчезнет. Грусть и беспокойство отозвались болью в груди.

Даже вечером, пробежав по всему парку Асакусы, Айн так нигде и не увидела Такэшиту. Посмотрев на небо с отчаянием и безнадёжностью, Айн заметила на смотровой площадке Джюникай человека. Приглядевшись, она поняла, что ошиблась: силуэт был не один. Там стоял ещё кто-то поменьше ростом.

Собравшись незаметно подкрасться к стоящим наверху, Айн быстро и тихо поднялась по спиралевидной лестнице на тринадцатый этаж. На тот момент площадка на самом верху здания была закрыта для посещения, ведь здание было старым и находиться на нём было опасно. Несмотря на это, были люди, которые знали, как попасть на самый верх: они пользовались окном с заклинившим засовом. Оказавшись на верхней площадке, Айн обратилась в слух, стараясь уловить разговор этих двоих. Снизу Айн решила, что вторая

фигура — та, что поменьше ростом, — тоже мужчина, но сейчас она с удивлением обнаружила, что это была молодая женщина.

— За тобой сейчас следят Токко, военная полиция и глава военных исследователей района Тоцука. Неудивительно, что они заинтересовались твоими делами.

— Что поделать. Но они примут мой выбор.

— Но я не понимаю, почему тебя, репортёра газеты... Как там тебя?..

— Игараши. Игараши Маюми. Всё началось в прошлом году, когда акции Hoshiyama Pharmaceutical обвалились, и я выяснила, что только один человек успел их продать и нажиться.

Подкравшись ещё немного, Айн смогла разглядеть молодую репортёршу. Со стрижкой-боб она была похожа на девушку-подростка, но в то же время на ней был мужской костюм — странное зрелище. Несмотря на это, у неё были выразительные красные губы, и Айн не могла судить, был ли это естественный оттенок, или женщина их окрасила. Пока девочка рассматривала её, женщина с мужчиной завели беседу на взрослые темы. Айн подумала, что, наверное, увидела то, чего не следовало, и снова затаила дыхание. После чего заметила, что за ней, похоже уже давно, стоял бродячий чёрный котёнок, который стал приближаться к девочке, заглядывая ей в лицо.

— А после этого пошли слухи, что этот же человек приходил к Фуэнокоджи Кимиясу в дом аристократа — известное в округе место — они говорили о чём-то, и он получал за эти разговоры награду. Ещё китайский финансист...

— Нет, это был не я. Это был Кита-сан.

— Кита? Ицуки Кита? А, ответственный за законопроект о реформе Японии...

— Мы ни о чём важном не говорили.

— Но ведь ты способен видеть будущее.

— То, что я вижу, не точно. Я не ясновидящий.

— Даже если у тебя нет подобного дара, ты знаешь, что произойдёт дальше. По крайней мере, виконт верит в это.

— Причуды богатых.

— Ну, если бы разговор шёл только о спекуляциях на бирже, то мне не было бы дела... Но ты недавно начал расхаживать по округе, и то, что ты говорил, не могло не привлечь моего внимания. Что в Токио скоро произойдёт крупная катастрофа — я слышала, ты говорил о сильном землетрясении.

— ...

— Несколько лет назад то же самое говорили в секте Оомото. Мне вот интересно, ты этого боишься?

— Меня не волнует, кто и что думает насчёт пропаганды, и я не боюсь ареста. Единственное, что меня страшит, — это землетрясение. Я боюсь того, что случится после.

— После?..

— Несколько лет назад я жил в США. Когда я возвращался в Японию, в Сан-Франциско произошло сильное землетрясение.

— ...

— Здания были намного прочнее токийских — и они были разрушены. Последовавший за этим пожар был ужасен. Но даже не это было самое страшное, а то, что случилось с сердцами людей.

— Из-за пущенных слухов мэр отдал распоряжение военным расстреливать людей на месте, если они подозревались в мародёрстве.

— Представляешь? В открытую расстреливать людей без суда и следствия. Несчётное количество обычных граждан погибли безо всяких оснований от рук настоящих грабителей, военных и полиции.

— Чтобы подобное случилось вновь — и здесь...

Услышав это, Айн наконец поняла, что всё это время испытывал Такэшита. Его устройство показывало будущее, и это будущее прервалось на грядущей катастрофе в Токио. Сейчас он хотел помочь — не из личной выгоды — это Айн знала точно. Тем не менее первым человеком, с которым Такэшита решил поделиться информацией, была эта женщина, а не Айн. Опечалившись, Айн опустилась на корточки, чтобы погладить подошедшего к ней чёрного котёнка, думая про себя, что котёнок, должно быть, тоже одинок.

Глубоко вдохнув сигаретный дым, Маюми тихо сказала Такэшите:

— Мне тоже необходимо кое-что рассказать тебе.

— ...Что?

— За тобой следит не только Токко и военная полиция.

— Э?.. Ты о чём?

— О самой верхушке армии. Помнишь, когда все говорили об императоре Кумазава?

— А... Тот человек из Хонсю, который утверждал, что он потомок Южной династии? Ему же никто не поверил. Неужели ты веришь, что он и правда потомок императоров?

Маюми медленно выдохнула, после чего повернулась к Такэшите.

— Тот мужчина с Хонсю так и не смог доказать, что он тот, за кого себя выдаёт. Тем не менее многое из того, что он сказал, заинтересовало некоторых людей на важных должностях.

Такэшита начал догадываться, к чему она клонит, и от этого у него по спине побежали мурашки.

— Ты говоришь не о тех, кто сейчас правит Японией... а о тех, кто желает управлять страной в военное время?

— К Кумазаве сейчас приблизились политические активисты, путешественники, а также военные. У этого человека нет никаких доказательств своего происхождения, только идеи. И никаких подозрительных действий он не совершал... Но только... человек, который по-настоящему знает, что произойдёт в будущем...

— Если есть человек, который знает, что случится дальше, то...

Такэшита мрачно опустил взгляд к основанию башни.

— Будь осторожен, Такэшита-сан.

Затушив ботинком окурок сигареты, Маюми развернулась и начала спускаться по лестнице. Слушая её затихающие шаги, Айн, обнимая котёнка, подошла к Такэшите сзади. Айн хотелось сказать что-нибудь, но она лишь молча смотрела на лицо Такэшиты, в котором отражалось отчаяние.

В парке Асакуса неизменный хозяин ларька громогласно вещал, завлекая покупателей. Поодаль, у входа в парк, стоял коренастый мужчина. Слушая

пылкую речь продавца, он неотрывно смотрел на мужчину, проживающего в подвале здания Джюникай.

— Я знал, вы несомненно взойдёте на мой престол. Это ведь так похоже на вас. Но это печально. Прошу, будьте осторожны.

Больше ничего не говоря, человек с громогласным голосом двинулся вглубь толпы. Подул ветер — вестник больших перемен. Глаз, спрятанный под головным убором, был холоден, как стекло. Немного подумав, Такэшита последовал за человеком. Зайдя в Накамисэ, он потерял его из виду. Но Такэшиту удивило не это. Его ноги сами собой застыли на месте.

— Лучше не останавливаться. Не открывайте своего лица здесь.

— Вы правы, господин Кита.

Кита Икки немного замедлился и, сделав шаг вбок по диагонали, заговорил:

— Почему вас преследует Токко? Хоть вы не похожи на социалиста, но... Точно... вы распустили слух о пророчестве, в котором говорилось о великом землетрясении в Токио.

Кита был осведомлён о преследовании Такэшиты.

— Если бы в пророчестве было сказано о нападении во время сокрушительного землетрясения, представители главной ветви могли бы отбиться, и вас бы чествовали как знаменитость и спрятали в Кабуто подальше от всех бед. Думаю, всё дело в том, что вы пророчили, не будучи оракулом ни синтоизма, ни буддизма.

— Вы хорошо осведомлены.

— Эта земля подвергается сильным землетрясениям каждые несколько десятилетий.

Неудивительно, что цикл скоро должен был повториться. Даже в воздухе витало нечто... напоминающее предчувствие беды.

— Так что наверняка можно что-то сделать. Так что...

— Бесполезно. Это максима, не так ли?

— Многие умирают — не только из-за стихийных бедствий. Повсеместно случаются жестокие убийства.

— Разумеется, так оно и есть. Даже можно сказать, что в этом есть положительные стороны.

Такэшита был ошарашен странным настроением Киты.

— Кто так говорит?

— Хотелось бы в последнее время не слышать об этом. «Ах, бесполезно. Ах, никакой выгоды». Даже на войне всегда раздаётся голос, мотивирующий на борьбу.

— Это неистребимое грязное чувство — уверенность в том, что любую войну можно выиграть.

— Верно. Вещи богачей отправляются удобрять землю, бедняки становятся ещё беднее. Было бы неплохо ещё раз сломать наш мир после реставрации Мэйдзи и начать всё с чистого листа... И вы хотите устранить тех, кто мыслит?

Такэшите эти слова показались резкой иронией, и он громко рассмеялся.

— В чём дело? Разве я сказал что-то смешное?

— Нет, это прозвучало так, словно вы, господин Кита, симпатизируете революционной идеологии.

— Ну, возможно, и так... И широкую общественность, и некоторых военных офицеров будоражит текущая ситуация. Многим грядущее землетрясение будет только на руку.

Такэшита посерьёзнел. Всё было именно так. Правительство уже начало подготовку.

— Смысл пророчества в том, что произошедшее несправедливо отразится на всех. Больше всего пострадают те, кто имел свои планы. Однако мне известно точное время. И я думаю, что вы, возможно, успеете уехать, если на то есть нужда.

На последние слова Кита дёрнулся.

— Господин Кита, вы тоже?.. Ваша супруга отринула богов и послушала пророчество.

— ...Вам и это известно?

Такэшита ещё никому не сообщал подробности. Однако Кита был тем человеком, который смог бы понять и осознать дату и время.

— Через пятнадцать дней после великого землетрясения армия похитит и убьёт анархистов Сакаэ Оосуги и Ноэ Ито. К ответственности будет привлечён исполнитель — майор военной полиции.

Даже такой человек, как Кита, слушал его, не произнося ни слова.

— Многие другие социалисты будут захвачены, и иностранцев приговорят к тюремному заключению. Насчёт вас, господин Кита, — вы осуществите нападение на похоронах Оосуги и выкрадите останки...

— Достаточно.

Кита немного побледнел, но продолжал держать себя в руках. Однако мужчина продолжал:

— Вскоре после землетрясения эра Тайсё сменится эрой Сёва. До тех пор правительство будет неоднократно пытаться поправить ситуацию, но всё больше и больше военных офицеров будет подниматься на борьбу, стремясь к военному перевороту, а вы...

— Эй, довольно!

Он замер и пронзил Такэшиту холодным демоническим взглядом.

— Если вы знаете будущее в таких подробностях...

— ...

— Как и вам, мне ничего не остаётся, кроме как смотреть с отчаянием в глазах на его свершение...

— Простите.

— Нам больше нет смысла видеться. Вот почему, если семья Оосуги вернётся в Японию, им лучше держаться подальше от Токио.

— Я сказал им.

— ...Вот как. Разумеется, не стоило переживать... Чем переживать о других, лучше позаботиться о себе.

— Хм...

— Джюникай — это база. Если в том месте есть какое-то оборудование, благодаря которому вы узнаёте будущее, тогда... им наверняка попытаются завладеть...

Внезапно Такэшитой завладело беспокойство. Всё же Кита обладал сильной интуицией. Наконец, освободившись после разговора с ним, Такэшита направился к Джюникай. Целостность устройства мало волновала его. В конце концов, оборудование всегда можно было собрать заново. Однако Айн...

Как и следовало ожидать, его комната в Джюникай была опустошена. Кинескоп и устройство ввода кто-то забрал, но основная часть устройства была перемещена под кровать и потому уцелела. Но у мужчины всё ещё было тяжело на сердце, и он решил заглянуть в соседнюю комнату... Там в окружении недостающих деталей мирно спала Айн.

— Айн...

Никто бы не осмелился тронуть Айн. На её лице была спокойная улыбка, словно ей снились хорошие сны. Глубоко вдохнув, мужчина сел рядом и нежно погладил её по голове.

Айн, летящая по небу

Что ни говори, но скрежет работающего механизма ужасно действовал ей на нервы. Айн хотелось зажмурить глаза и закрыть уши руками. Но тогда не было бы смысла садиться в самолёт. Поэтому Айн безропотно сидела в своём сидении, которое было слишком большим для неё, и отчаянно вглядывалась в небо, ощущая на лице порывы ветра.

Самолёт был немецкого производства — Taube — он производил совершенно иное впечатление, нежели французские или американские самолёты, похожие на птичьи клетки. Воздушное судно украшало изображение орла, расправившего крылья. У Taube был большой двигатель, и в его кабине могло поместиться два человека. В стратегическом сражении за крепость Циндао эти самолёты превосходили авиасуда Avions Farman. В спешке ВМС завербовали Taube, которые принадлежали частному внутреннему региону, но немецкие войска сдались, не дождавшись подкрепления. Айн стала одной из немногих, кому довелось полетать на таком Taube.

Пилотом была Ивабэ Токуко — женщина-лётчик, которая вдохновлялась американским пилотом Стинсоном Дайвером. Мистер Дайвер прибыл в Японию из Соединённых Штатов около пяти лет назад и сразу показал

высокий пилотаж. После того как разорилось его дворянское имение, он исполнил свою давнюю мечту и стал лётчиком.

Временами Айн переставала что-либо слышать. Это началось с мая, и периодически Айн словно была оглушена. Помимо самого полёта ей доставляло неудобство сидеть в самолётном кресле. Однако она сама захотела лететь.

В подвале Джюникай Айн создала механическое устройство и дала ему имя «Отец». Она уделяла ему всё своё время. К тому моменту «Отец» был почти, но всё же не до конца закончен — в электрической машине по-прежнему были открыты паровые клапаны.

— Айн.

Айн с удивлением обернулась.

Такэшита редко заговаривал с ней сам.

— Что?

— Ну, ты не хотела бы отправиться в какое-нибудь местечко?

— С чего это?

— Просто... Ты ведь мечтала побывать где-нибудь? Может, в других частях Токио, или в регионе Тохоку. Или в других странах.

— ...

Айн крепко задумалась. Она никогда не представляла себя где-то вдали от Такэшиты.

— Например, если ты решишь уехать, то я был бы не прочь позже последовать за тобой.

— А-а... Хорошо.

Такэшита мягко смотрел на неё. Айн ни разу не видела его таким и испугалась.

Айн всегда казалось, что она останется с Такэшитой навсегда, и именно этого она хотела... Однако, очевидно, скоро всё должно было закончиться.

Такэшита затих, словно своим молчанием призывая Айн смириться.

— ...Хорошо. Мне всё равно...

— Айн, я хочу улететь в небо.

— ...В небо?..

Несмотря на то, что самолётов в то время было немного, летать разрешалось далеко не каждому.

Однако Такэшита, как только пришёл ответ на запрос, взял Айн и через несколько дней отвёз её в учебный центр Аоямы.

Там он обратился к Токуко, женщине-лётчику:

— Будет лучше, если я не полечу с вами. Пожалуйста, позаботьтесь об этом ребёнке. Если возможно, пусть она пролетит над Асакусой — думаю, она была бы счастлива.

Токуко с подозрением поглядела на него.

— Позаботиться об «этом ребёнке»... Вы... Ну ладно, поняла.

Айн была ошарашена, что они не будут лететь вместе, и с укором посмотрела на Такэшиту.

— Ты обещал всегда быть со мной рядом.

— У нас нет на это времени. К тому же на переднем сидении поместится только один человек. Да и ты же всегда мечтала полетать в небе. Тебе обязательно понравится.

После того как Айн выдали шлем и мотоочки, она села на переднем сидении Taube за панелью управления.

— У меня есть просьба.

Айн с отчаянием поглядела на мужчину.

— Что такое?

— Ты не мог бы поспешить обратно в Джюникай? Мы пролетим над башней. А ты помашешь мне рукой.

— Хм. Не уверен, что успею. Но попробую.

Айн тут же с блеском в глазах побежала к самолёту.

Наконец Taube с Айн на борту достиг центра парка Асакуса. Здание Джюникай возвышалось перед озером Хэутан. Других высотных зданий поблизости не было. Айн была взбудоражена от ожидания и не отрывала глаз от обзорной площадки. Taube медленно пролетел вокруг башни, но там никого не было. В то время Такэшита находился в комнате для гостей в доме виконта Фуэнокодзи.

— Сейчас он едет в Шанхай.

Варя говорила с ним на английском с едва различимым акцентом.

— Вот оно как? Я слышала об этом.

— Вот поэтому я пришёл сюда.

Варя закрыла шторы, и в комнате стало темно. Она сняла одежду, и мужчине открылась её белоснежная спина.

По красивой бледной коже керамического цвета пробегали бесчисленные красные рубцы.

— Не поймите меня неправильно. Я не позволяю ему просто так меня запугивать. Я так же поступаю с ним.

— Я не хочу вдаваться в подробности.

Сильный аромат духов впивался в его ноздри, пока он держал холодное, крохотное, европейское тело этой женщины.

В его руках тело Вари начало нагреваться.

Она прикусила мочку его уха.

— На чьей ты стороне? На стороне тех, кого мучают?

Такэшита не смог ответить.

Такэшита прошёлся по всему её телу своими холодными пальцами и был сильно удивлён тому, что тело Вари было похоже на неотёсанное бревно. А её голос проникал в его замутнённое сознание, ушедшее в созерцание собственных ощущений.

— Есть человек, который хочет поговорить с тобой. Увидься с ним ради меня.

— ...

Даже открыв глаза, Такэшита не мог сказать, куда его забрали. Но он знал, что это было результатом его собственных действий.

Возможно, эта узкая комната была подвалом. В отличие от его комнаты в Джюникай, это место было сырым и неуютным. Глядя на тускло освещённые стены, он заметил, что они покрыты хлопчатобумажной тканью для звукоизоляции. Ему хотелось вырваться, вырваться и убежать, но он понимал, что ничего не сможет противопоставить тем сильным людям, что привели его сюда. Спустя какое-то время скрипнула дверь, и в комнату вошли двое мужчин. Оба были иностранцами; один был примерно одного возраста с Такэшитой, а другому было за пятьдесят.

Младший обратился к Такэшите на японском с видимым акцентом:

— Господин Такэшита, прошу простить за такое обращение.

Такэшита и раньше задавался вопросом, как должна выглядеть эта встреча. Варя пыталась встретиться с большевиками, которые теперь держали власть

на её родине. Чтобы жить дальше, ей ничего не оставалось, кроме как помочь им.

— Мы уверены, что изучили всю ситуацию.

Товарищи... Никола Тесла, чьим идейным учеником является господин Такэшита, был родом из Венгрии. Возможно, они близки к русским, но сразу приравнивать их отнюдь не разумно.

— Так что вам от меня надо?

— У вас есть устройство, которое может сказать, что произойдёт в будущем. Вы смогли создать его благодаря нашим товарищам. Поэтому мы имеем право на это оборудование. Вы согласны, не так ли?

«Я не знаю, что сказать», — ответил Такэшита по-английски.

Пожилой мужчина с недовольным видом ударил его. «Интересно, он участвовал в русской-японской войне?» — подумал Такэшита.

— Мы можем отвезти вас в нашу страну. Однако ваше оборудование ещё не завершено.

— ...Почему вы так решили?..

— ...Если бы вы создали такое устройство, то не жили бы так.

В их рассуждениях было зерно истины. В самом деле, человек, который получил возможность видеть будущее, не стал бы прозябать в таких условиях, а стал бы наживаться на этом...

— В нашей стране мы произвели революцию. Конечно, благодаря нашим товарищам, которые сотворили идею. Любая революция нуждается в документах, которые символизируют идею.

— Декларация коммунистической партии.

— В Японии тоже есть такой документ. Верно?

Очевидно, речь шла не о Конституции Великой Японской империи. Такэшита отрицательно покачал головой.

— Это метафора. Я говорю о теории Ришшо Анкоку-Рон.

Такэшита не сразу понял, о чём говорил молодой русский парень. «Трактат об установлении мира в стране»... Его написал буддийский монах Нитирэн, предвещая в тексте национальный крах. Это было его воззвание к верующим. Сейчас людей, которые верили в пророчество Нитирэна, было много как никогда... Однако Такэшита, понимая, что оборудование из Джюникай ему недоступно, решил не озвучивать эту мысль.

— Так и думал.

Эти слова, услышанные от иностранца, прозвучали очень странно.

«Священное писание Омото» было создано Нао Дэгути. Как гласит одна из теорий, в книге написаны изречения бога, пришедшего к Нао. Среди тех, кто принял писание о конце света, было много солдат и учёных. Когда происходит великое бедствие, люди не различают правдивые слова от лжи тех, кто видит будущее.

Такэшита вновь осознал, насколько созданное им оборудование опасно и что сейчас он стоял на краю неизвестности, окутанный мраком.

— Ты хочешь использовать устройство во благо японского правительства? Однако, когда вы будете в опасности, мы будем вашими соотечественниками. Помни об этом.

Ворчливо обратился к Такэшите пожилой мужчина, словно ругая ребёнка.

Айн испугалась.

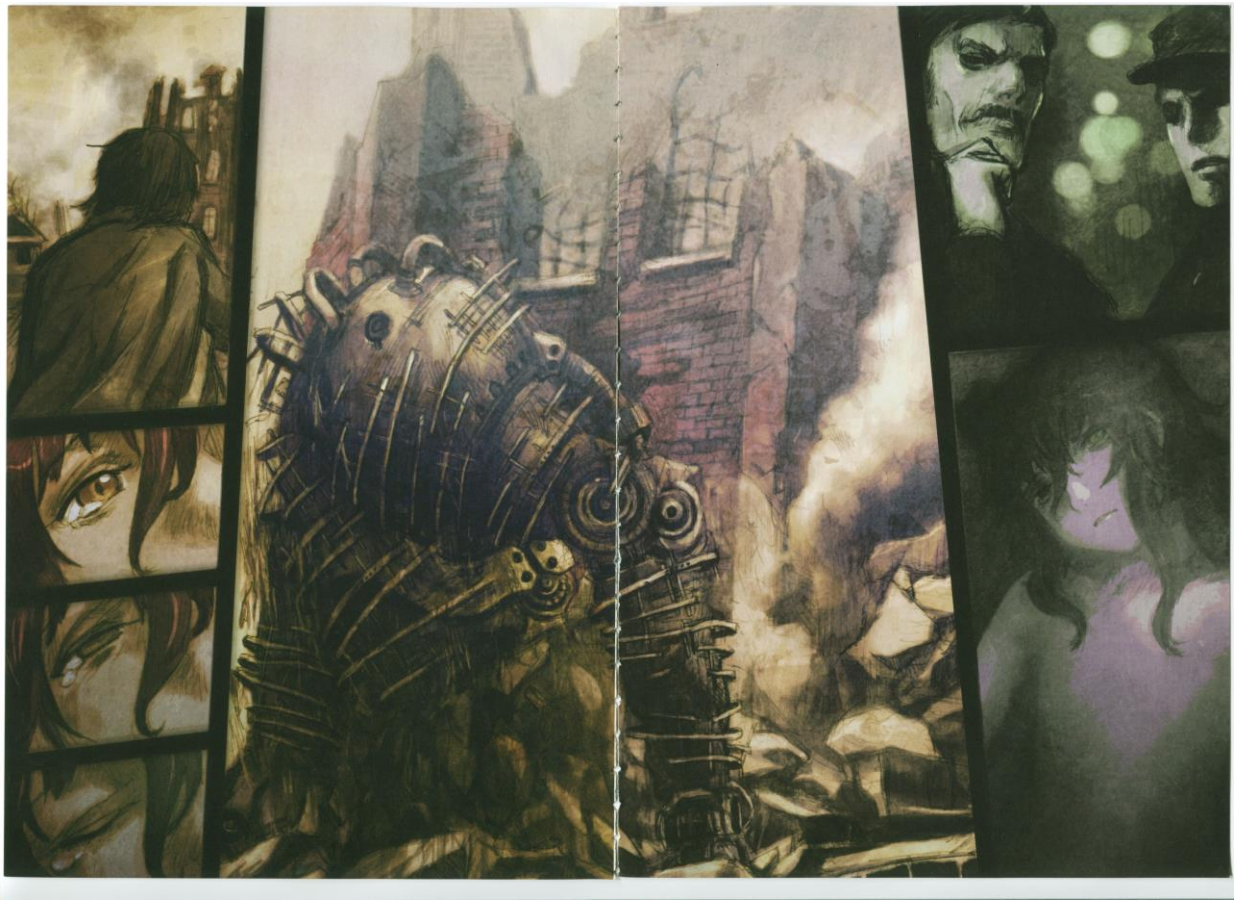
Айн чувствовала, что этот кошмар никогда не закончится.

Такэшита больше не вернётся.

Устройство Айн под названием «Отец» было почти завершено, но чтобы запустить двигатель, необходимо было передать управляющую команду в строку ввода. Такэшиты уже несколько дней не было дома. Возможно, он больше никогда не вернётся. Айн старалась не впадать в панику, но, лёжа на кровати, она то и дело возвращалась к мысли, что её бросили.

Становилось всё труднее различать сон и явь. Потолок перед её глазами был потолком её комнаты в Джюникай или какой-то другой комнаты? Кто-то очутился в её поле зрения. Но это был не Такэшита, а какие-то чужие люди. Из-за слепящего света их лиц было почти не видно. Мужчины говорили приглушёнными голосами.

— ...Интересно, это ли самая важная вещь в комнате?..



— Не знаю, но нет сомнений в том, что тот мужчина получил информацию с помощью какого-то устройства. И устройство, что находится здесь, очевидно, не основной корпус. Посмотрим, что у нас получится вытащить из того человека.

Айн наконец осознала, о чём говорили те люди. Как только она решила подняться, одежда неожиданно сползла с неё, и девушка поняла, что запуталась руками и ногами. Даже от этого Айн почувствовала больше грусть, чем возмущение. Если бы он был здесь, как бы он на это отреагировал?

— Полагаю, что-то из этого готово...

— ...Я не вижу никаких следов...

Айн посетила мысль, что один из мужчин говорил так, словно время от времени был не в себе. А ещё он и один из его товарищей были похожи на выходцев из провинции Суруга. Впрочем, сейчас это не имело значения.

— Как долго его ещё будут держать?

— Давить на него бесполезно, так что скоро всё закончится.

— Верните его как можно скорее.

— Будет сделано.

Айн закрыла глаза. Если сильно зажмуриться, свет исчезает. В следующий раз, когда она откроет глаза, он уже будет рядом.

День пророчества

Мужчина был освобождён на следующее утро после задержания. Конечно же, пережитые им мучения не шли ни в какое сравнение с тем, что доводилось отведать особо опасным преступникам, задержанным за инакомыслие. Однако по всему его телу шли синяки, и из-за боли он не мог есть. После случившегося он не проронил ни слова. Его прибыли забрать женщина-репортёр Маюми Игараши и лейтенант Эноки.

— С ним всё в порядке?..

— Если бы я заранее знал, что так будет, я бы этого не допустил.

Двое поддержали шатающегося на ногах мужчину. Как только он узнал их, его взгляд стал пустым.

— Разве не лучше будет сначала перекусить?

— Что? Ты не узнаёшь меня? Я Эноки.

Эноки посмотрел в лицо мужчины. Однако тот лишь прошептал сдавленным шёпотом:

— Какой сегодня день?

— Первое. Первое сентября.

С лица мужчины окончательно сошла вся краска.

— А сколько времени?

На этот раз ответила Маюми.

— Полдень.

Внезапно мужчина стряхнул руки его держателей и попытался убежать, но упал.

— В чём дело? Что случилось?..

Однако мужчина, даже после того как его окликнули, посмотрел вдаль и ринулся вперёд.

— Айн... Айн сейчас в Джюникай.

— Айн... Кто это?

Младший лейтенант вспомнил, что видел как-то Такэшиту вместе с девочкой... Но она не выглядела как кто-то важный.

— Ах... Быстрее... Чёрт!

— К чему такая спешка? Это из-за допроса?

Внезапно мужчина с силой схватил Эноки за воротник.

— Эй, сколько сейчас точно времени?

— Что?

— Десять минут двенадцатого. Первое сентября, эра Тайсё.

Мужчина побледнел ещё сильнее. Минутная стрелка на часах ещё не успела достигнуть десяти. Как ни спеши, но отсюда не успеть добежать до Джюникай вовремя. Мужчина выкрикнул имя девушки. Странно, что он тратил силы на столь бессмысленное занятие.

Бам...

Айн в шоке присела. Почувствовался толчок, и это было так внезапно, что она не поняла, что случилось. Первая волна началась с небольших миграций. Комната в Джюникай уже была почти пуста — всё вынесли прежние посетители — однако оставшаяся часть оборудования от толчка упала на пол. Со стены попадали вещи. Одна из кирпичных стен начала рушиться.

— Что произошло?

Раздался глухой звук, и верхняя часть башни начала сыпаться. Айн наконец вышла из ступора. Она поползла в соседнюю комнату, где стояло оборудование.

— Отец, я не хочу тебя здесь оставлять.

Айн открыла маленькую железную дверь позади буровой установки и проскользнула внутрь. Там было тесно, и ей пришлось свернуться в клубок. Она закрыла дверцу во внешний мир, после чего привела устройство в жизнь.

Дзззз...

Посыпались обломки. Потолок в комнате начал рушиться. «Отец», незаконченное механическое устройство, встал и поднял обломки.

Здание Джюникай было спроектировано по подобию водонапорной башни, и поначалу людям было тяжело в нём жить. Из-за сильного землетрясения верхняя часть рухнула, а внутренняя — полностью разрушилась. Вокруг башни причудливым лабиринтом стояли деревянные лачуги. Днём там часто готовили на открытом огне, и сильный земной толчок спровоцировал много мелких пожаров, которые затем соединились в один огромный.

Преданное лишь создателю устройство выползло из-под завала, но вокруг не было ни одной живой души.

Через какое-то время после землетрясения армия, опасаясь обвала, полностью демонтировала Джюникай в Асакусе. До этого спасатели с инженерами несколько дней исследовали руины и вынесли несколько трупов из беседки,

которая была сокрыта от глаз. Разразившийся огонь сжёг всю траву. Пламенная земля делала мир похожим на Преисподнюю.

Неясно, где был Такэшита до пожара. Очевидно, здание Джюникай не могло уцелеть. Однако он не мог найти Айн. Такэшита не знал о том, что она создала «Отца». Взяв соломенный коврик, такой же, какими пользовались местные бродяги, мужчина постелил его на обгоревшей траве и сел отдохнуть.

Окружающие судачили о разном. Слухи они и были слухами.

Кто-то отравил воду в колодце.

Всё, как было в порту Кува. Такэшита не сомневался, что и там был похожий на него человек, и что слухи ходили такие же, как сейчас.

В порту Кувы ходили слухи об исчезновении целого процветающего китайского города после землетрясения.

Слухи о зверских убийствах японцев уже выходили за рамки просто слухов.

Мужчина большую часть времени сидел на месте, но изредка вставал и начинал беспорядочно ходить по округе. На него не обращали внимания. Такэшиту заметил только один человек, когда он начал подниматься на холм Дангозаку. Пожар на холме затух, и там стало относительно безопасно, поэтому мужчина без опаски двинулся туда.

Много лет он избегал этого «львиного склона».

Наверху белой горы, на самой вершине Дангозаку, был храм из небесного бамбука. Мужчина вспомнил тот день, когда они с Айн ездили на трамвае и он сидел с ней в кафе на втором этаже. Такэшита раньше жил здесь. Тем не менее с тех пор, как он покинул страну, он не приходил сюда. Это место затягивало его в свои сети, заставляя вспомнить то, чего он не хотел вспоминать.

Даже после долгого отсутствия он испытывал ностальгию. Здесь находился дом доктора Оогай, который ходил в соседний магазин за лапшой соба. Чуть вверх по склону был старый дом кукольника с новым карнизом... В голове Такэшиты снова всплыл образ Айн, и у него защемило в груди. В эпоху Мэйдзи здесь располагались десятки магазинов, где кукольники представляли обывателям свои искусные изделия из хризантем. Со временем мастерство создания кукол из этого материала было утеряно. Но осталось ещё несколько мастеров, и они продолжали изготавливать похожих на живых кукол.

Нет... больше нельзя.

Сколько бы он ни пытался сдерживаться, Такэшита не мог отпустить мысли о прошлом. В первый раз он увидел Айн в магазине спиртных напитков. В обмен на небольшие деньги... Хотя это была ловушка для воспитанных... История Такэшиты была... Хотя в это сложно поверить.

Тогда он впервые увидел Айн.

Внезапно он вышел на открытое поле, затем заглянул в мастерскую кукольника. Старый кукольник, кажется, уже ушёл с работы, а внутренняя часть мастерской, которая была видна через окно, была пуста. Но Такэшиту всё же кто-то заметил. Там была кукла девушки — точь-в-точь окровавленный человек. Хотя при более пристальном рассмотрении становилось понятно, что она не живая. Просто деревянная фигурка в лёгком летнем кимоно.

С тех пор Такэшита стал денно и нощно наведываться в мастерскую. Кукла не приходила в движение. Не ясно, когда она стала для него одушевлённым существом. Он хотел бежать и стать свободным, но не мог оторваться от собственных мыслей.

Как человек, сумевший понять откровения гения Теслы, Такэшита был умным и волевым человеком. Но его разум был бессилен в попытках забыть ту девочку. Он боялся, что, когда он придёт и она вдруг окажется в другом наряде, он... Он не хотел быть таким. Все рациональные мысли ушли.

Однажды Такэшита взломал дверь в мастерскую, схватил куклу и бежал. В его руках кукла крикнула «спасибо». Такэшита был удивлён, но обрадован.

Беседа с виконтом Фуэнокодзи

— Кстати об этом человеке, Такэшите. Я не помню, как он приехал из Соединённых Штатов, но у меня есть о нём удивительная история. Случайно ли он оказался здесь? — после этого виконт разразился смехом. — Он без ума от каких-то марионеток. Господин Дэкварт сказал, что Такэшита носит в своей сумке какую-то куклу, гуляет и даже иногда разговаривает с ней. Конечно, мы с женой тоже иногда разговаривали с куклой.

История женщины-репортёра Игараши Маюми

— Эм, видите ли... Когда Такэшиту освободили из Токудзэ, меня попросили его забрать. На тот момент я ничего не слышала о девочке-кукле. Но я брала интервью у женщины-пилота, Токуко, которую Такэшита попросил полетать над Токио. И ещё он попросил взять её в кабину девочку, которая на самом деле была куклой. Он звал её Айн.

Разговор с лейтенантом Эноки из военно-исследовательского центра Тояма

— Собственно говоря, я проводил исследования радиооружия, разработанного военно-морским флотом из научно-исследовательского института Тояма в Синдзюку. Так вот, как-то раз я засёк источник странного радиоизлучения, и мне надо было встретиться с господином Такэшитой... Была ли у него дочь по имени Айн? Ну, я видел её. Кукла?.. Так говорить невежливо. Она больше напоминала человека... пожалуй.

Такэшита что было мочи нёсся вверх по склону Дангозаку. Его тело кричало от усталости, сердце словно разрывалось. Он думал, что если остановится, то сердце замрёт вместе с ним. Эти воспоминания!.. Если это был кошмар, лучше было бы не просыпаться. Лучше было бы никогда не видеть этого кошмара. Айн больше нет. Нет, с самого начала девочки не существовало. Он не хотел признавать — но другого выбора не было.

Эра Сёва

Никто точно не знает, как и когда Такэшита потерял свою Айн после Великого землетрясения. Возможно, он восстановил оборудования из Джюникай, а возможно, опустился на дно и канул в небытие.

После землетрясения появились и те, кто пророчил о наступлении бедствия. Такэшита был не единственным, кто предвещал катастрофу. Некие Сакамото Сатоши и Коишикава Имагами вывесили на Хондзё Фукагава свиток — «Духовный завет», — в котором было сказано: «Этот год будет отмечен множеством смертей». Это было незадолго до землетрясения. Все, кто прислушался и не спал в тот день, сумели спастись.

Женщина-репортёр Маюми слышала о подозрительных действиях Такэшиты по всему острову. Однако она заблуждалась, считая, что в 1974 году он вернулся в Токио.

В местности под названием Икэбукуро последствия катастрофы были минимальны. Оно и понятно: в то время там не было городской застройки. Около Риккё, у западного выезда, в кафе-баре ежевечерне собирались студенты и всякие странные молодые люди. В этом году случилось восстание, вызванное военнослужащими. Общественность поняла, как государство поступает с их собственностью. Однако для молодёжи это было фривольное время, когда они могли наслаждаться свободой без денег.

Хоть Такэшита был уже немолод, в душе он чувствовал себя весьма юным. Место к западу от остановки на Икэбукуро казалась ему очень комфортным. Он часто сидел за дальним столиком в противоположной части от остановки. «Так шумно», — говорил он, а потом ни с того ни с сего тускнел: «Нет, мне всё равно». Иногда он находил укромное местечко и сидел, избегая всяких разговоров. Середина дня была слишком оживлённым временем для него. Такэшита обратился к сидящему рядом человеку немного старше шумных людей вокруг.

— Вы тоже рисуете?

Такэшита уже знал, что многие из выходцев западного района города были студентами, мечтавшими о том, чтобы стать художниками или скульпторами. Человек, к которому обратился Такэшита, носил берет, что навело его на мысль, что перед ним натура артистичная.

— Я поэт.

— Вот как. Скажите, как вы думаете, почему здесь любят собираться художники?

Человек помешкал с ответом.

— Недалеко отсюда, рядом с Шиинамачи, построили незапланированное ателье. Изначально там было болото. Потом домовладельцы начали торговать там древесным углём и построили дом для молодых художников.

— Вот оно как...

— Это как Монмартр в Париже. Страсть к искусству стирает различие между местами.

Поэт покачал головой.

Как раз в этот момент в кафе зашёл человек с резкими чертами лица. Вместо ноги у него был деревянный протез. Оглядев заведение, он пробурчал: «Я разочарован».

На следующий день Такэшита гулял по Шиинамачи. Ателье не особо манило Такэшиту, но после рассказа поэта ему стало любопытно. Он захотел побывать там хотя бы разок. Первое, что он заметил, — карниз был выровнен треугольной крышей из красной цементной черепицы. В дневное время группа скульпторов работала над своими творениями, но ночью западная сторона была свободна от шума и суеты.

Такэшита брёл вперёд без особых намерений, но нутро подсказывало ему, что что-то должно было случиться. В ателье, где работали скульпторы, были расставлены по кругу разные гипсовые статуи. Вероятно, они были частью какой-то уже прошедшей выставки. Многие из скульптур представляли собой наконечники стрел или бледные человеческие тела. Мужчина остановился, всмотревшись в гипсовую статую, и внезапно его пронзил шок. Словно сердца коснулась ледяная ладонь. Он обнаружил кое-что невероятное в гипсовой статуе. Это была статуя девушки в натуральную величину. Независимо от того, сколько раз он отрицал это, он увидел образ девушки, которую больше никто и никогда не видел. Он заговорил сам с собой. Айн тоже была всего лишь куклой. До землетрясения он был убеждён, что она была живой девушкой. Айн не ушла. Её изначально не было.

Такэшита говорил себе это бесчисленное количество раз, но всегда, выходя из дома, он неосознанно продолжал искать её образ. Такэшита отошёл от гипсовой статуи и посмотрел в окно другого ателье. Кажется, эта комната принадлежала абстракционисту, которому был не чужд и сюрреализм. Владельца внутри не было. В комнате он увидел холст — не абстрактное полотно, а реалистичный портрет.

Такэшита часто задавался вопросом: не стал ли он безумным. Ведь сейчас на полотне он видел Айн. Он хотел увидеть её, и разум показал ему желанную иллюзию. В этом не было ничего удивительного. Мужчина с трудом оставил тяжёлые мысли и с грузом на сердце попытался уйти оттуда. За самой дальней студией стояла бронзовая статуя девушки. Творение полностью отличалось от гипсовой статуи. Такэшита какое-то время смотрел на статую и осторожно

проводил по ней кончиками пальцев, ощущая прикосновение холодной бронзы. Это была... нет, не иллюзия.

Несомненно, это была скульптура Айн.

Он обернулся по сторонам. Айн была здесь.

Такэшита подумал, что это, наверное, было благословение. Айн всё ещё была рядом с ним. От этой мысли у него стало теплее на душе.

Он развернулся и пошёл в сторону городских огней. Остальное уже было неважно.

Джюникай и окрестности Асакусы

[Ичиянаги Хиротака]

Асакуса как символ эпох Мэйдзи и Тайсе. «Джюникай, Асакуса», сцена «Деспера»

Что это было за здание?..

В Токио ведётся постройка «Токийского небесного дерева». Его хотят открыть весной 2012 года. По завершении строительства эта башня станет самой высокой телебашней мира. Говорят, что это будет второе самое высокое сооружение в мире. Все ждут момента, когда можно будет взглянуть на город из окон купола. Но вы знаете, что в эпоху Мэйдзи в соседнем районе Тайто был свой высотный ориентир? Конечно, то здание было на порядки ниже, но оно оказывало на людей схожее воздействие.

Рёункаку, более известное как Асакуса Джюникай

11 ноября 1873 года наёмный инженер-иностранец Бартон из Токийского Императорского университета спроектировал восьмиугольную двенадцатиэтажную башню высотой пятьдесят два метра с кирпичной кладкой и деревянными полами — Рёункаку, которую также называли «Эйфелевой башней Асакусы». Подобный проект в Токио был революционным — как по высоте здания, так и в плане задействованного оборудования. Здание было оснащено передовыми на тот момент электрическими лифтами. Плата за вход составляла восемь иен для взрослых и четыре иены для детей. На каждом этаже вплоть до девятого обустроили магазины, а на десятом этаже была смотровая площадка. До восьмого этажа можно было подняться на лифте или по лестнице вдоль внешней стены. Дальше нужно было подниматься по винтовой лестнице. На последних двух этажах вместо окон были террасы. А на самом верху, где открывались лучшие виды, можно было за отдельную плату взять в аренду бинокль. В эпоху Мэйдзи, в двадцатых годах прошлого столетия, когда ещё не было небоскрёбов, вид оттуда был выдающийся.

«Известие: жанровая картина», выпуск № 23 (23 год, декабрь) имеет следующее описание: «С десятого по двенадцатый этажи, на каждом есть смотровая комната, без стульев, предоставляется тридцатикратный телескоп» («Реункаку»). К северу от Синдзюку находился известный квартал Ёсивара, который существовал ещё с эпохи Эдо. Многие посетители, казалось, взбирались на Рёункаку, чтобы посмотреть на «район красных фонарей» в телескоп. Также в описании здания имелись следующие пункты: «Ночью в комнате на одиннадцатом этаже пять тысяч дуговых ламп со свечами и по три лампы на каждом этаже. Из ста семидесяти шести окон открываются прекрасные виды на лунные ночи».

Ночью, вероятно, башня Асакусы особо выделялась на общем фоне.

Рёункаку быстро стало местной достопримечательностью. Говорят, уже на третьем году после открытия его посетило более двадцати тысяч человек. Что же до открывающихся пейзажей парка... У Эдогавы Рампо в «Путешественнике с картиной» (июнь 1929 года, «Новая молодёжь») есть следующий отрывок: «Вам доводилось когда-нибудь подниматься на эту башню? Нет? Ах, как жаль. Чудесное здание. Можно было только дивиться, что за кудесник его построил. По слухам, проектировал башню какой-то итальянский архитектор. Должен сказать, что в те времена в парке Асакуса много было любопытных аттракционов: человек-паук, танец с мечами, балансирование на мяче, уличные фокусники, а также кинетоскоп... Да, и ещё «Лабиринт криптомерий», где легко можно было заблудиться в хитросплетениях зелёных проходов. А в центре парка возвышалась гигантская башня, сложенная из кирпича. Поистине, то было удивительное сооружение высотой более восьмидесяти метров, увенчанное походившей на китайскую шляпу восьмигранной крышей. Из любой точки города, где бы вы ни находились, его было видно». Этот отрывок достоверно передавал, какое влияние башня оказывала на людей.

Ишизуми Харуносукэ, которого называли «отшельником Асакусы», так заявил в «Экономике Асакусы» (июнь 1933 года): «Публика настолько была поражена Рёнкаку, что, несомненно, гордилась ей. Одни лифты в этом здании грозили миру переворотом».

В «Путешественнике с картиной» так описывался интерьер Рёункаку: «...Внутри было мрачно и сыро, как в склепе. Шла война с Китаем, и на стенах висели жутковатые, изображавшие батальные сцены, картины, написанные маслом, — тогда ещё довольно большая редкость. Словно залитые брызжущей кровью, полотна зловеще алели в тусклом свете, сочившемся через оконца. Спиральная, как раковина улитки, лестница виток за витком вела вверх. Под самой крышей была открытая площадка, огороженная перилами. Выйдя из сумрака на яркий свет, я невольно зажмурился. Облака плыли прямо над головой; казалось, я могу достать их рукой. Внизу беспорядочно лепились друг к другу крыши домов, вдали темнел форт, за ним виднелся Токийский залив. Прямо под собой я увидел маленький, как кукольный домик, храм; среди крохотных коробочек-павильонов сновали человечки, у которых сверху различимы были лишь ноги и головы. Несколько посетителей, негромко переговариваясь, восхищённо любовались раскинувшимся видом. Брат стоял поодаль и не отрываясь смотрел в бинокль на храм Каннон. Поразительной красоты было зрелище!»

Масляные картины, изображавшие кровавые батальные сцены, появились не случайно. Ещё раньше, когда лифт перестал пользоваться популярностью из-

за высокого шума, был разработан проект «сто красавиц». Внутри лифта были вывешены сто фотографий гейш из разных районов Токио, и клиентам предлагалось выбрать самую красивую. После этого различные проекты с красивыми девушками стали отличительной чертой Асакуса Джюникай. Например, там вывешивали женские портреты из разных эпох, или фотографии ста красавиц Ёсивары.

Уже потом, когда весной двадцать восьмого года эпохи Мэйдзи, началась японо-китайская война, прелестные портреты на двенадцатом этаже сменились патриотическими зарисовками под общим названием «Победа на море и на суше». В то время Джюникай обрёл мрачную ауру, напоминавшую чем-то лондонский Тауэр. Над Рёункаку постепенно сгущались тёмные тучи.

Тридцатый год эпохи Мэйдзи

Компания-владелец башни, в связи с трудным финансовым положением, заложила башню в ломбарде. Одной из причин оттока посетителей стал бум в фотоиндустрии. В сороковые годы Мэйдзи выставочные залы Асакуса один за другим превращались в фотостудии. В то время Джюникай стала приносить слишком мало денег. Тем не менее башня продолжала оставаться символом всего развлекательного района, столь уникальным для Токио. За годы вид башни, что отражался в пруду Хэтан, полюбился людям. Джюникай, появившаяся словно из ниоткуда, стала символом, заполнила пустоту квартала красных фонарей. У Исикавы Такубоку даже были посвящены строчки этому зданию: «Я поднялся в Асакусе на Рёункаку и не в силах был сделать вдох». (май 1942 года, «Субару»)

Слово «Джюникай» стало условным обозначением места «то, что под Джюникай».

Под Джюникай. Пещеры

В 1971 году Исикава Такубоку переехал из Хоккайдо в Токио из-за плохих условий жизни и устроился корректором в газету Асахи. Свою депрессию он утолял прогулками по «лабиринтам пещеры Джюникай», а также по «тесному, грязному городу, полному отвратительных голосов» («Дневник на латинице»).

Немного позже Такубоку, Сайсэй Муро также гулял по лабиринтам башни. Вот описание из его «Бледной пещеры» (октябрь 9 года, «Красноречие»): «...С наступлением ночи число пьяных возрастало. Пьянки и гулянки становились всё громче. Начинались ссоры и перепалки. Звуки ударов, крики. Многие напевали популярную тогда песню «Эх, этот фруктовый магазин...» Это повторялось ночи напролёт».

Кстати, Наоми из повести «Любовь Шлюхи» Дзюнъитиро Танидзаки (13/03.07, газеты Осака и Асахи, «Женщины») выросла в «переулке мусора» в районе Синдзюку возле храма в Асакуса. «Башня Рёункаку в то время была очень популярна. Её изображали на открытках и плакатах. К тому же она, наряду с Токийской башней и Токийским небесным деревом, считается одной из трёх главных башень Токио».

Тем не менее «пещера под Джюникай» перестала существовать после массовых репрессий 1917 и 1923 годов. Проститутки растворились во тьме Токио.

В 1907 году здание использовалось как театр. Основными спектаклями были «Шиннаи», «Гидаю», «Кидзюцу», «Нанивабуши» и «Ясугибуши». Отчасти так стало потому, что аренда здесь была дешевле, чем в других зданиях Асакусы. Однако ценность башни всё равно неумолимо снижалась. Внутренности здания оставались нетронутыми, и только расположившийся в подвале театр придавал ей ценность. Однако некоторые литературоведы всё равно поднимались на самый верх, очарованные таинственной аурой Джюникай.

И вот наконец наступил её последний день. 1 сентября 1923 года. День Великого землетрясения Канто. Весь район превратился в обожжённое поле. Хотя Джюникай осыпалась изнутри, снаружи башня сохраняла свой вид. Однако полуразрушенное здание было признано опасным. В итоге 23 сентября башня была дважды подорвана группировкой Акабанэ, после чего перестала существовать.

Ясунари Кавабата в «Алой банде Асакусы» так описал произошедшее во время взрыва: «Обрушение Джюникай — его внезапность — потрясли всех. В затишье после землетрясения многие архитектурные объекты были разрушены. Одним из них была Джюникай. Осознание этого встало у нас комом в горле. В одночасье то, что было ценным для нас, превратилось в груду кирпичей. Я помню, что всем тогда хотелось плакать».

Взрыв башни стал беспрецедентным событием в Асакусе.

«Асакуса» как лабиринт

Современное искусство и декаданс. Многих писателей, которые пришли в Асакусу в эпоху Тайсё, манило это место. Я последовал по их стопам.

Сойдите на станции Асакуса на линии метро Токио Гинза. Поверните направо на первом выходе и некоторое время идите вперёд.

Многие туристы сегодня делают памятные фотографии. Прогулка по улице Накамисэ. По какой-то причине на витрине, в переулке, ведущем к главной улице Асакусы, расположены статуи лягушек и капп.

Может, это талисман торгового района Каппабаши? Пройдите через ворота Ходзомон и войдите на территорию храма Сэнсодзи. Затем поверните влево и идите вперёд. Там вы найдёте памятник, посвящённый уважаемым людям театра теней Асакуса и немым фильмам. Пройдите через расположенные впереди участки и проследуйте по улице пятиэтажек до пагоды. Затем пройдите прямо по улице до парка, и вы увидите Зал Чести Асакуса. На северо-западной части улицы, прямо напротив Зала театральных искусств, располагается шестой район Бродвей. Когда-то здесь была самая большая площадка для фестивалей в Токио, которая привлекала многих писателей. Встаньте на шестиполосном перекрёстке перед Залом театральных искусств и осмотритесь вокруг. Если посмотреть на север, перед вами будет вся Асакуса.

Вскоре после войны здесь появился пруд Хэтан. Это огромный пруд, который был выкопан в 1905 году и занимал более двух тысяч квадратных метров.

В зоне, что по левую руку от вас, раньше было много развлекательных заведений, что не относились к Асакусе.

Эдогава Рампо в «Хобби Асакусы» (сентябрь 1926 года, «Новая молодёжь») так описывал место рядом с прудом: «В центре района, у самой оживлённой улицы — пруд. Его гладь потемнела от водорослей, и тем сильнее контраст с мостом из глициний, что раскинулся над ним. На берегу растёт мох и свисают, точно сошедшие с полотна, плакучие ивы. Со стороны развлекательного квартала доносятся песни и пляски, но здесь — умиротворение. Все стоят на мосту — современно одетые, стильные, великолепные — ведут светские беседы. Завораживающий контраст».

В поверхности пруда отражался символ Асакусы — двенадцатиэтажная Рёункаку. Если бы вы встали лицом к Залу театральных искусств, то она возвышалась бы с северной стороны.

Правительством Мэйдзи в парке Асакуса в 1873 году было установлено основание храма Сэнсодзи. А одиннадцать лет спустя, на восемнадцатом году эпохи Мэйдзи, парк Асакуса поделили на шесть районов. Примерно с того же времени Асакуса стала ассоциироваться с последними веяниями науки и искусства. Например, в 1923 году здесь открылся павильон «Панорамы Японии», в котором были освещены события американской гражданской войны. В ноябре того же года в северной части шестого района открыли Рёункаку. Башня была оснащена первым на то время в Японии электрическим лифтом, и это стало горячей темой для обсуждений. Кроме того, в 1905 году в «Панорамах» была проведена выставка диорам. В то время в парке Асакуса

было двадцать девять постоянных зданий и девятнадцать временных, а общее количество посетителей достигало пятьдесят тысяч человек в год.

В третьем и шестом районах был открыт первый в Японии постоянный кинотеатр «Дэнкикан». Это было в 1868 году. В то же время набирали популярность «Панорамы Японии», кинопанорама, Тайсэкан и Санкацукан, а также луна-парк. Конец эпохи Мэйдзи ознаменовался ростом популярности фильмов о русско-японской войне. Кинопанорамой называется устройство, которое создаёт проекцию из световых лучей, например Ниагарский водопад или виды Лондона.

Известный писатель Сосэки Нацумэ однажды посетил луна-парк. После, в 1907 году, он обрёл себе ученика в лице Тэрады Торахико, который вернулся с учёбы в Германии. В «Воспоминаниях учителя Сосэки Нацумэ» (декабрь 7 года эпохи Сёва, том 8, «Курс лекций Хайку») Тэрада так описывает картину того времени: «Однажды знакомые чуть ли не силой вытащили моего сэнсэя и отправились в Асакусу кататься на карусели в луна-парке, правда всё это время он казался раздражённым. Там на деревянной лошади он был совсем не весел».

Возможно, те воспоминания были настолько яркими, что Сосэки заставил луна-парк появиться до недели равноденствия в своей книге (январь-апрель 1945 года, эпоха Мэйдзи, Токио, газета Осаки и Асахи). Однако этот объект был закрыт в 1923 году из-за отсутствия посетителей.

Преобразование шести районов Асакусы действительно случилось очень быстро. Сменившиеся архитектурные стили стали законодателями новой моды.

Танидзаки Дзюнъитиро так отобразил это в «Людях акулы» (январь 9 года эпохи Тайсё, «Центральное общественное мнение»): «Что сталось с панорамой? И с луна-парком? Новые фотостудии растут как грибы после дождя, а кто теперь вспомнит, что было на их месте? Где теперь Иноуэ Масао и Киносита Ясуко? Они растворились, как дым от иллюзии, сметённый порывом ветра, — остались только буддийский храм, да стаи голубей, да основание Джюникай!»

Кафоу Нагаи сделал несколько снимков крытых улочек с лавками в фотосерии «Развлечение» (июль 42 года эпохи Мэйдзи). «Шум толпы, суета в магазинах, набитые полки. Среди этого великолепия выделялись витрины, украшенные разноцветными огоньками. Стоило мне один раз увидеть это, и моё сердце покорилось этому сиянию. Я почувствовал такую лёгкость, словно внутри меня цветок распустился».

Вид тех мерцающих цветов и тонкий аромат из храма Сэнсодзи дарили это необыкновенное чувство внутренней чистоты.

Так Асакусу описывала Сата Инэко в «Моей карте Токио» (март 24 года эпохи Сёва, литературное общество новой Японии): «Атмосфера шестых районов постоянно модернизировалась, но, впервые попав в шесть районов, я поняла, что никогда не забуду ту атмосферу, ту эфемерную лёгкость. Пение, различные звуки... Над головой разноцветные ткани, закрывающие небо. Различные знамения, фотографии мероприятий, молитвенники, соломенные куклы. А «ядовитая трава» — это не просто хижина. В то время, всё это казалось настолько убедительным. И тут и там ядовитые растения. На входе в каждую хижину были толпы людей».

«Ядовитая трава» — серийный газетный роман. Кикучи Юхо, Сэкай Кобояси, фотограф-натуралист (Тэнка), а также фотостудия «Никацу Мукаидзима» вместе сняли фильм в 1917 году, который вышел 11 марта.

В «Асакуса року-ку» Санюкай показывал версию «Кобаяси Шокай», версию «Тайшокан» и студийную версию «Никкацу Мукайдзима» в Оперном театре. Сразу после показа фильма виды шести районов стали массово фотографировать и показывать на конкурсах. С конца эпохи Мэйдзи шестой район стал занимать особое место в Японии. Впервые наравне с японскими стали допускаться к показу и зарубежные фильмы. По реакции зрителей фильмы распространялись по шести районам, однако в сельской местности фильмы не обрели популярности.

В шести районах люди могли посмотреть любой фильм. Многие из писателей посещали мероприятия в шестом районе. Особого внимания заслуживают слова Дзюнъитиро Танидзаки. «Даже если вы живёте в Кугенуме, вы определённо захотите приехать в Токио десятого числа. Если вы не приедете в Токио и не увидите парк Асакуса, вы упустите невероятную возможность».

В «Парке Асакуса», написанном Танизаки (сентябрь 7 года эпохи Тайсё), рассказывалось, что в 1923 году он стал советником, а «Любительский музыкальный клуб», «Ночь Хинамацури» и «Ночь змей» помогли дебютировать его невестке Хаяма Мичико в качестве актрисы.

Фильм «Игра Дзигомо», который популяризировал бандитскую романтику среди детей Асакусы, был выпущен в Японии в ноябре 1907 года в Асакуса Кинрюкане.

Тацуо Хори в «Неприкасаемом ребёнке» (эпоха Сева, 5 год, 4 месяц, «Литературная эра») с энтузиазмом относился к игре, говоря: «Пробежим за спиной богини Каннон, вдоль пруда и спрячемся за хижиной». Эта работа

также включает в себя рассказы о братьях и сёстрах, живущих в комнате на первом этаже башни Джюникай в Асакуса.

Кроме того, премьера произведения немецкого экспрессиониста «Кабинет доктора Калигари» была представлена в Японии 14 мая 1923 года, когда была выпущена дебютная работа Кендзи Мизогучи «Кровь и дух» 9 ноября 1923 года.

Когда активно развивалась фотография, родился жанр, который также был очень популярен в шестом районе. Это опера Асакуса.

В январе 1963 года музыкальная комедия «Экскурсия в женскую армию», которую высмеял ещё Такаги Токуко, видела одни аншлаги. Опера стала настоящим бумом в Асакусе. Морино Сава, Сумико Каваи и другие известные личности стали восторженными фанатами, их называли «пэрагоро».

Асакуса в настоящем. Ворота Куминаримон

По выходным многие туристы, в том числе из-за рубежа, посещают Асакусу. Впрочем, она уже потеряла свой статус передового района Японии в плане искусств...

Это сложное слово «опера». Один из тех, кого прозвали «пэрагоро», — социалистический и пролетарский литературный писатель Хирофуми Канэко, автор произведений «Человек, рассыпающий семена» и «Литературный фронт».

Среди режиссеров, исполнителей, актёров и зрителей оперы Асакуса было много анархистов, социалистов и литературных деятелей. Полиция часто отправляла детективов и шпионов в Кинрюкан. Говорят, что в раздевалке в Кинрюкане было нарисовано граффити с надписью: «Собаки и кошки не допускаются», — намекавшее на популярное прозвище государственных ищеек.

Среди писателей, попавших в оперу Асакуса и часто посещавших театр, были Танидзаки Дзюнъитиро, Имато Хикару, Кавабата Ясунари, Уно Кодзи, Эдогава Рампо, Инагаки Ашо и Миядзава Кэндзи. Миядзава увидел оперу Асакуса в 1923 году, когда приехал в Токио, чтобы позаботиться о своей сестре Тоси. Впоследствии воспоминания о том периоде нашли отражение в таких работах, как «Лагерь голода» или «Площадь Полароид». Уно Кодзи был на постановке Акутагавы и посетил гримёрную Японского павильона, который тогда функционировал как постоянное оперное здание. Тем не менее современная Асакуса, полная великолепных зон и укромных уголков, превратилась в руины после Великого землетрясения Канто 1 сентября 1923 года. С открытием павильона в декабре шоу быстро восстановили, но это были

уже не шоу Асакусы. Оперное здание района также быстро потеряло свою привлекательность.

Район Асакуса, запечатлённый в живописи Кавабатой Ясунари, Таками Джуном и Такэдой Ринтаро, полный развлечений, предприимчивым темпераментом и горячим воздухом, где смешались эпохи Эдо, Мейдзи и западный стиль, перестал существовать. После землетрясения район Асакуса ещё пытался вернуть себе былую славу, но с началом эры Сёва постепенно превратился в район-призрак с налётом ретро. Развлекательный центр Токио переехал в Гинзу, а затем в Синдзюку.

Послесловие

После издания в Animage нужно было подготовить электронную версию новеллы для издания в танкобон-формате. К тому же пошли разговоры о выпуске аниме-сериала, и, хоть я и решил всё делать тщательно и не торопиться, со всех сторон поджимали сроки. Стали приходить мысли, что если не выкладываться на сто процентов, то просто не успею. Время шло быстро, а всё должно было быть готово к запуску к февралю этого года. В начале марта у нас была встреча, чтобы утвердить техническое задание. И в то время, когда я занимался реконструкцией текста, произошло событие, которое в будущем назовут Великим восточно-японским землетрясением.

Сейчас, когда я пишу эти строки, уже наступил апрель. Уже подтверждена смерть более двух тысяч человек в результате цунами, хотя с момента происшествия не прошло даже четырёх недель. В данный момент около двенадцати тысяч погибло из-за землетрясения, и более пятнадцати тысяч считаются пропавшими без вести. Повреждение муниципальной электростанции Фукусима-Даичи привело к радиационному загрязнению. Радиоактивные вещества нашли в питьевой воде, овощах, чае, мясе и других продуктах. Страна только начинает потихоньку оправляться от случившегося.

На фоне всех этих событий, особенно в регионе Токио, выход в свет новеллы о Великом землетрясении «Деспера» вызывал противоречивые чувства. Я знал, что мне нужно принять решение о публикации, и, как уже писал раньше, я попытался избежать всех трудностей при работе над оригинальном аниме-сериалом по Деспере. Но, прежде чем начать вплотную заниматься аниме, нужно было выпустить ещё один танкобон. Пять лет назад, когда мы только начали обсуждать работу над новым проектом с Накамурой, мы дали ему название «DECO». Тогда мы решили, что действие будет происходить в эпоху Тайсё и наметили персонажей и основную историю. По названию понятно, что тогда мы планировали анимацию сделать в стиле ар-деко; тогда мне казалось, что эта идея очень даже интересная. В общем, этим я хочу сказать, что с самого начала мы планировали более современный вариант представления эпохи Тайсё.

Но, начав собирать материалы об эпохе Тайсё, мы быстро осознали, что наше представление сильно отличается от реальности и мы просто не можем обойтись без художника, который помог бы передать атмосферу читателям.

Так мы и начали работать с Абэ-куном. Его участие было необходимо, хотя мы и понимали, что этот проект будет совершенно отличаться от «serial experiments lain». Постепенно мы пришли к взаимопониманию о том, как в конечном итоге будет выглядеть «Деспера». Но если мы решили писать об эпохе Тайсё, то как мы можем не упомянуть о Великом Землетрясении? И как только мы начали собирать материал об этом событии, тут же поняли, что оно

должно занимать центральную часть истории. Опять же, во время сбора материала я узнал о землетрясении в Сан-Франциско, которое случилось примерно в то же время, и так у меня родилась идея этой истории.

В то же время меня не оставляло беспокойство, что мы создаём развлекательную историю, базирующуюся на реальных страшных событиях, которые принесли много горя в прошлом. Великое землетрясение Канто произошло задолго до моего рождения. Я знал о нём только из хроник. Впоследствии я прочитал разные упоминания семидесятилетней давности, которые описывали бедствия, свалившиеся на регион Кансай. Это были самые поздние упоминания происшествия. Такое чувство, что за эти семьдесят лет мы постарались забыть о случившемся, как о страшном сне, вычеркнуть это из нашей реальности.

Для меня, как человека, собиравшегося писать об этом, любые крупицы информации представляли огромную ценность. Признаюсь, к своему стыду, что я сам очень многого не знал, пока не начал изучать литературу, а также лазить по тематическим форумам и обсуждениям.

Среди участников форума были и молодые писатели — те, кто совсем недавно дебютировал или выиграл литературный конкурс.

Как раз в то время произошло новое землетрясение. Я тогда был в Токио и сразу поспешил узнать, как дела у других участников форума, из тех кто живёт вблизи. К счастью, никто не пострадал. По новостям передавали страшные известия об обрушении известных зданий. Мы сидели с Абэ и обсуждали случившееся, как раз шёл репортаж об аварии на железной дороге.

Нас, создателей «Десперы», сильно затронуло случившееся. Даже находясь вдали от основных происшествий, мы очень сильно переживали.

Но...

11 марта 2011 произошло землетрясение с последующим обрушением зданий. Они были из цемента, надёжные и прочные, и благо, что трагедии Великого Землетрясения, когда деревянные дома горели как спички, не произошло. Но в этот раз опасностью был не пожар, а последующее за ним цунами.

Кадры, которые показали по телевизору, были ужасающими — волна была быстрой и невероятно высокой. Благодаря съёмке с вертолёта мы знаем, что высота волны превышала тридцать семь метров. Волна не задела жилые кварталы и сошла на полях, но страшно представить, что было бы, попади она по домам людей. В день, когда произошло землетрясение, вся нация была прикована к экранам телевизоров, а информация о всё новых событиях

поступала постоянно... Особенно меня поразило то, что из-за цунами перевернулся корабль с нефтью, и она разлилась по морю.

Благодаря быстрому реагированию наземной полиции и пожарных самого худшего удалось избежать. К тому же в это печальное для Японии время нам помогли другие страны.

Обрушение зданий в Токио понесло за собой ряд трагедий; были и погибшие. Однозначно, такого страшного бедствия наше поколение ещё не видело... Мы просто не понимали, как нам жить дальше и как случившееся повлияет на наше будущее. Нас пугало то, что эпицентр землетрясения может случиться в любом другом городе и в любое время.

Анализируя последствия случившегося и сравнивая их с событиями, случившимися в эпоху Тайсё, я могу отметить, что лишь благодаря оперативным действиям государства мы не увидели катастрофы ещё страшнее. Да, в наши дни тот же Twitter позволяет распространять информацию с огромной скоростью, и мы этим воспользовались. Удивительно, как при помощи интернета мы спасаем жизни, и вместе с тем печально, когда мы не могли помочь тем, у кого отсутствовала связь и кто не мог попросить о помощи по телефону. Я слышал от многих, что они хотели бы смотреть по телевизору только хорошие новости, и это огорчает меня, как огорчают и те, кто воспользовался общей бедой ради осуществления своих злых намерений.

Однако в целом японцы действовали собрано, и я не мог этого не видеть. Всё происходило в реальном времени, и я отслеживал все новости. Конечно же, случившаяся катастрофа заставила меня глубоко задуматься и сравнить её с предыдущими.

Доступная на сегодняшний день информация, включая официальные данные, не кажется мне полной. Возможно, что-то скрывают специально, чтобы избежать всеобщей паники. Но разве не лучше знать всё правду?

Мы знаем всё о Великом землетрясении Канто. Эта информация в открытом доступе.

Мы должны знать и помнить о случившемся. В «Деспере» бедствие является центральной темой, и оно, несомненно, найдёт отклик в сердцах многих людей. Мне хотелось написать такую историю, которая заставила бы всех, её прочитавших, задуматься о том, как предотвратить подобное впредь.

Мы родились на земле, которая часто подвергается подобным стихийным бедствиям и страдает от них. Это наша обязанность — сделать всё, чтобы в

будущем оперативно и с холодной головой реагировать на такие происшествия.

Вечером 11 марта землетрясение застало меня на работе. Толчки были очень сильными, и казалось, что они никогда не прекратятся. Я помню, как смотрел на многочисленные книги, расположенные в моём кабинете, которые беспрестанно валились с полок.

Для своей истории я решил взять антураж эпохи Тайсё или ранней эпохи Мэйдзи. Даже если бы с аниме-сериалом ничего не вышло, я хотел издать хотя бы книгу.

Сейчас я откладываю все материалы об эпохе Тайсё в дальний угол и начинаю собирать информацию для нового проекта.

Я хочу поблагодарить всех, кто помог мне осуществить задуманное.

Всех, кто помог мне, тех, кто работал со мной над выпуском, включая Абэ-куна, тех, кто готовил выпуски для Animage: редакторов и издателя, продюсеров и дизайнеров, и всю мою команду. Благодарю вас от всей души. Без вас эта книга не увидела бы свет. Спасибо.

Четвёртое апреля 2011 года. В честь пятидесятилетия Тиаки Конаки.